

Вынужденные ответы

И. И. А. Билому.

В новом своем «посвящении» мне («ВК» № 205-206) вы, уподобляясь крыловской лягушке, пытавшейся сравняться с быком, уморительно надуетесь, возведя себя в политического великана, в сравнении с которым я, Балтинов, мол, щенок; что вы давно, мол, перестали придавать моим словам «какое бы то ни было политическое или общественное значение».

Казалось бы, раз так, то проще всего оставить меня в покое. В самом деле, зачем для такого ничтожества, как я, губить страницы своего журнала? Но вы, все же мучаетесь, все же страдаете над выдумками своих «несложных хитростей», рассчитанных на хуторских ребят.

По вашему уверению, то, что я писал в «Казакши» № 7 есть «очередной бред г. Шамбы Баалниова».

Спрашивается, что же я там писал? Очевидно, самую элементарную вещь: я всего лишь доказывал вредность поношения казачьих общественных деятелей, активно против ВК не выступающих, в частности — о ненужности клеветы на б. Походного Атамана ген. П. Х. Полова.

Неужели это такой уж «бред»? Ей Богу не подозревал. Впрочем, если требование бережного отношения к казачьему имени есть «бред», то я хочу и дальше так «бредить». Если вы придерживаетесь иного мнения, то продолжайте обливать грязью всех тех казаков, которые не желают пасть перед вами ниц. И верно, известное домашнее животное только и грязи находит высшее наслаждение.

Ваши все рдеющие поклонники, вероятно, в телесный восторг пришли от вашего «классического» метода защиты. Вы говорите: да, я лягу на П. Х. Полова, но это, мол, ничего, потому-де приблизительно также поступила и «Казакши». Думаю, что даже бессмертный Скалозуб не додумался бы до такой «логик».

В самом деле, как нормальные люди отнеслись бы, скажем, к Игнату, уличенному в воровстве, если он стал бы оправдываться тем, что вчера-де Петро тоже украл в другом месте?

А у вас ход мысли именно таков.

В моей статье в «Казакши» не было никакого повода для разговора о моей чести, морали. Там речь шла только об одном — нужно-ли на страницах печати поносить своего брата-казака без всякого с его стороны повода?

Я говорю — нет!

Вы уклоняетесь от прямого ответа и невразумительно говорите, что нечестный Балтинов «бредит».

И точка. Спорить не будем. Признаем бесспорный факт, убедительно доказанный всем вашим поведением: единственная и высшая цель вашей жизни является во чтобы то ни стало пробиться в «чиновные люди». А к цели своей вы идете исключительно путями и способами Скалозуба:

— «Да, чтобы чины добыть есть многие капляки».

II. Белградским ребятам.

Никого из вас лично я не знаю. Никогда в своих выступлениях, ни в устных, ни в печатных, вас не затрагивал. Поступал так потому, что считал и считаю: к молодой казачьей интеллигенции необходимо самое бережное отношение со стороны всех казачьих общественных кругов.

К сожалению, шд, без всякого с моей стороны повода, слишком часто достаиваете меня своим «вни-

маншем». Вот в «ВК» № 205-206 вы решились коллективно и ударно угробить меня.

Разумеется, никакими криками вы никому не докажете, что я менее вас привержен идее казачьей государственной независимости; никакими ухищрениями и подтасовками никого не убедите, что я врежу ВК, ибо на всем протяжении моей скромной работы в нем вы не найдете ни одного шага, ни одного поступка и ни одного слова моего, идущего во вред ВК. Если я говорю иногда против личности г. Билому, то, во-первых, Билый не есть ВК, а во-вторых, я вижу и знаю «работу» Билому, губительную для всего ВК.

Вот вы, старательно роюсь в моей деятельности в ВК, могли найти только одно, по вашему, «преступление». Это — мое давнишнее предложение Билому созвать Большой Круг ВК во Франции в такой пропорции: 80 % делегатов от французских организаций, а 20 % — от организаций в других странах (я и сейчас повторяю: Билый тогда имел полную возможность созвать такой Большой Круг!).

И я не знаю — шутите вы или серьезно говорите? Неужели вы думаете, что это мое предложение есть такое уж преступление? Неужели, по вашему, для ВК было бы так плохо, если бы в Париже собрался 100-членный Большой Круг ВК и публично демонстрировал единство ВК перед всем светом? Неужели вы думаете, что сто самых лучших вольных казаков (они были бы свободно избраны местными организациями, следовательно, самые достойные) представляли бы из себя стадо баранов, способные тащевать под дудку катмыка Баалниова? Неужели вы серьезно говорите, что разные темные махинации легче и лучше проделать на многочленном публичном собрании свободно избранных представителей казачьих организаций, чем на закрытых десяти-членных так называемых собраниях

Князь Данзан Тундутов, его супруга Ксения Александровна и их сын Николай.
(К статье Ш. Балниова)

своих личных приверженцев, чем Билый подменил идею Большого Круга?

Нет, милые мои, в вашей голове творится что-то неладное. Если я преследовал дурные цели, то я Билому предложил бы именно то, что он потом проделал — небольшие закрытые собрания своих приверженцев, назвать их Вольноказачьими Кругами и именем этих Кругов обделывать свои дела.

Еще одно... На всем протяжении вашего «ответа» могучим ключом бьет ваша неприязнь к «двум казмыкам» — Балыкову и Балынову, кои, вы, сами не сознавая того, отводите слишком большую и благородную роль организаторов всего движения Казаков - Националистов.

Скажу вам: это — самое большое для нас признание, самая высокая оценка ищейкой скромной работы, самая почетная аттестация. Большое вам спасибо за вознесение нас на такой высокий пьедестал.

Но я с вами совершенно несогласен. Наша роль гораздо скромнее. Мы — всего только маленькие винтики в той большой «машине», которая создана **одновременным и жертвенным усилием всех Казаков-Националистов и имя коей «Казакия»**.

Ваши слова, что «вообще всю оппозицию создать в первую очередь г. г. Балынов и Балыков», я считаю прямым оскорблением хотя бы для тех сотен казаков, которые присутствовали на открытии Болгарского Округного Съезда, так как ваш «ответ» вызван постановлением именно этого съезда.

И вы и мы исповедуем одну идею, болеем одной болью. Только вы, ослепленные беспышной демагогией, считаете меня своим врагом. Но я глубоко верю, что правда победит, Казачество освободится и мы вместе с вами придем на свою родную землю. Но среди нас в независимой Казакии не будут типы, в своей персоне сочетающие пушкинского Скупого Рыцаря и трибунского Скалозуба.

Вы стараетесь придать самый грязный смысл факту моего отхода от Билого. Между тем, дело обстоит очень просто. Как убежденный защитник идеи ВК и, как сторонник, во имя успеха идеи, политической организации движения, я не могу примириться с постоянным и беспышным обманом со стороны Билого и безмерным ослеплением со стороны его подчиненных. Обман и пресмыкательство никогда к добру не приводили. Как сегодня мы читаем ежедневно победные реляции мадридского правительства, сдающего одну позицию за другой, так в течении девяти лет мы читаем в журнале Билого о его головокружительных «успехах». Между тем, «вождь» «огромной» политической армии, Билый, в своем «китабе» сидит один, как перст.

Надеюсь, даже вы согласитесь с тем, что не только политическое движение государственного масштаба, но даже маленькая художесная организация взаимопомощи не может существовать, если она не имеет хотя бы трех лиц, составляющих центр, друг другу доверяющих, дружно работающих.

Сегодня после девяти лет своей «успешной» работы, Билый имеет, как главных своих политических столпов - помощников Лейннова, Букина и Козловского. Так вот я и предлагаю: пусть Билый из этих его вернейших людей составит свой политический центр, рабочий аппарат. Если эти три лица выдержат личное знакомство и сотрудничество с Билым в течении хотя бы шести месяцев, я готов признать перед ним свою вину. Скажу больше: пусть Билый, по собственному своему выбору, составит себе политический центр. Если он с любым из сегодняшних своих приверженцев выдержит шестимесячное личное сотрудничество, тесного ежедневного общения, я публично признаю свою вину.

25 сентября 1936 г.

III. Новый вынужденный ответ.

Раньше с большим трудом, через своих приятелей из «Прометей» в Париже, я доставал журнал «ВК». На этот раз кто-то любезно прислал мне его. Очевидно, потому, что в нем (№ 207) есть наивная попытка Билого уложить казаков - националистов. Но укус блохи бывает гораздо чувствительнее. В самом деле, его идеологическое искажение мыслей Кудинова ви в коем случае нельзя принять за укол.

Но в этом номере мое внимание обратил на себя г. И. Мкин, который, по простоте сердечной, считает, что «отстранение старых, желающих работать для блага Казачества, и молодых, нарождающихся теперь, сил — преступно». К этим искренним строкам, выражающим прекрасную мысль, Билый делает лживое примечание: «таких казаки не отстраняют». И как бы похваляясь, в другом месте, перечисляет имена своих политических «столпов»: Куртин, Леннов, Шохвань, Евсеев, Маргуши и Поляков К., кои он противопоставляет, соответственно, лицам из среды казаков - националистов: Кудинову, Трофимову, Безуглову, Овсянику, Косоротову, Евсикову, Балынову и Балыкову.

Опубликовывая список своих «столпов», Билый поступает очень неосторожно.

И это-то все — спросит каждый.

А выдавая их, как искренних, убежденных и устойчивых вольных казаков, поступает еще более неосторожно. Мы не откажемся от удовольствия продолжить подобный список и задать Билому вопрос — кого же он еще может противопоставить, а также дать некоторую характеристику некоторым его «столпам». Так ли они искренни, так ли они тверды, какими их пытается выставить Билый?

Куртин до сих пор работает только под псевдонимом. Очевидно, предпочитает стоять под знаменем ВК не под своим казачьим именем, а под чужим. Лейнов на третьем году деятельности ВК по всей Чехии носился с набатым криком, что идея ВК — презренная, сами вольные казаки — презренные люди. К. Поляков, после двух лет работы в ВК, много раз уходил и приходил, наконец, создав свой журнал «Дон», поносил в нем идею ВК, доказывая ее несостоятельность.

Вот эти господа и составляют сейчас «столпы» билковского ВК. Почему и с какого времени они стали такими «искренними» вольными казаками? Не потому ли, что многие из них есть маленькие казачьи Скалозубчики?

Бесстыдник Билый отвечает своему сотруднику И. Мкин, что он ничего не отстраняет. А куда девались: инж. Запорожец, инж. Медведев, инж. Мосев, инж. Карпуцкий, инж. Голованский, инж. Глазков, инж. Фесенко, инж. и поэт Колесов, доктор и поэт Келин, поэт Персидсков, поэт Вл. Поляков, поэт П. Поляков, поэтессы казачьи Людмила Костина, Любовь Самсонова, доктор Минаев и т. д. Я не говорю о старых профессорах, генералах и общественных деятелях. Потому что Билый скажет, что они или старые клячи, или однозные лица. А говорю только о молодых, полных жизни и энергии, людях, идеи ВК искренно преданных, без страха и сомнений с первых же дней в этом движении работавших.

Посмеет ли Билый сказать, что все эти молодые казачьи интеллигенты — люди нечестные? Посмеет ли он сказать, что эти интеллигенты не имеют связи с своей казачьей народной массой?

Никто не будет спорить против того, что всякое движение или организация может претендовать на серьезность только в том случае, если у них есть живой кадр людей, способных без перерыва продолжить политическое дело своей организации. Не масса ведет политическую работу, она только дает моральную опору, силу своим политическим руководителям, а кон-

кретную, каждодневную позитивку делают люди, к ней более или менее подготовленные.

Я спрашиваю: есть ли у Билого эта живая сила? Отвечал и отвечаю: нет и не будет. Он сам представляет нам свою живую политическую силу в составе перечисленных им выше семи лиц, коих он противопоставляет семи лицам из среды казаков - националистов.

Так представим себе, что с этими четырнадцатью лицами случилось несчастье, все они стали жертвами какой-нибудь катастрофы, их больше нет. Что тогда будет? Для биловского «фронта» это будет полной катастрофой, прекратится вся работа, а в работе казакцев не будет никакого даже перерыва.

Скажу больше: представим себе катастрофу, в которой погибли со стороны биловцев только один Билый, а со стороны казакцев, сверх перечисленных Билым семи лиц, еще 10-15 нынешних активных казакцев. Что будет? Будет то же самое: на стороне Билого немедленно и окончательно прекратится вся работа, а на стороне казакцев будет работа продолжаться также, как и теперь.

В этом и основная разница, в этом и основной предмет спора.

У Билого есть единственный метод «организации» — моральный террор, угроза: — «не будет меня — не будет и ВК». Для этого он своих приверженцев не подпускает к себе и на пушечный выстрел, держит в полном неведении, а казакцы действуют общими силами, организуют свое дело так, чтобы несчастье с одними, катастрофа одной части не явилась гибелью для всего дела.

За доказательством далеко ходить не нужно. В связи с внутренним положением во Франции, Билый, как храбрый человек, а также в силу своей изолированности среди парижских казаков, решил перебраться в другую страну. И он в своем журнале № 205-206 во всеуслышание объявил, что прекращается всякая связь между ним и его сторонниками до тех пор, пока он не найдет новую страну, туда переселится и даст знать об этом, т. е. на время розысков Билым новой страны и переселения на новую квартиру прекращается всякая политическая работа. На все это время его последователи лишаются возможности писать своему «вождю» даже простое письмо, так как Билый не доверяет получения даже простой корреспонденции единственному человеку, сидящему в его канцелярии, Якименко, которого он нашел после 8-ми летнего розыска среди всего своего ВК.

Большого падения, большого позора для политического деятеля и сам дьявол не придумает.

Не могу отказаться от удовольствия сказать пару слов по поводу жалкого философствования и постыдного крючкотворства Билого над статьей П. Н. Кудинова.

Призыв Кудинова, полный искренности, тревоги за судьбу Казачества, желания работать и бороться за Его независимость, Билый, путем сложных манипуляций, подтасовок и «философских» толкований, старается обратить в нечто антиказачье. Для этого он с особенным рвением цепляется за следующие образные выражения, употребленные Кудиновым в его призыве: «под ветхим знаменем», «тесный, скорбный путь», «заступом могильным взроет казачий шлях», «угасают сумерки... Близок рассвет». По удивительно безчестному толкованию Билого, именно эти выражения, якобы, выдают скрытое дьявольское желание Кудинова смерти, могилы Казачеству.

Разумеется, ни один элементарно грамотный и честный казак в призыве Кудинова не может найти подобного желания. Речь там идет как раз об обратном. Если Билый на этом призыве так останавливается и производит над ним свои «операции», то это есть лишь

ее свидетельство о том, что он окончательно изолгался, что ему совершенно нечего сказать, а все содержание его писания есть плод исключительного его скудоумия.

В самом деле, Билый доказывает, что сумерки не угасают, а только переходят в ночь. Как будто от этого зависит судьба Казачества. Если иметь в виду явления природы, то, конечно-же, сумерки самым настоящим образом угасают. Что же тут спорить? Но, ведь, Кудинов совсем не говорил о явлениях природы, говорил о политических сумерках, за которыми он видит приближающийся рассвет.

Вообще весь спор Билого смахивает на спор из-за любви к искусству, построен на казуистическом крючкотворчестве. Например, Кудинов писал, что наше знамя — славное, ветхое, а Билый с ним спорит: нет, не ветхое, но древнее. Кудинов писал, что наш путь трудный, скорбный, а Билый его «обличает» и говорит: «он тяжелый путь, но он не скорбный путь». Желая уколоть Кудинова, он выводит такую пошлейшую сентенцию: «могильными заступами роют только могилы». Спрашивается, неужели для его головешки неизвестны общепринятые обратные выражения, никем до сих пор так клепазно не толкуемые? Если уж на то пошло, то никаких «могильных заступов» в природе не существует, а есть только лопаты, коими можно разную работу выполнять, в частности, ими одинаково можно и зарывать и очищать дорогу!

Но, конечно, я не из-за таких глупых споров Билого остановился на его «писанине», а потому, что он, желая придрагаться к словам Кудинова, самым настоящим образом уничтожает всю историко-идеологическую и правовую основу всего движения ВК.

Ибо Билый из текста своей статьи жирным шрифтом выделяет следующее место: «Знамя Казачьего Национального Движения — конечно-же! — не ветхое знамя. Оно — по существу — новое знамя и крепкое знамя».

— «Как ты дошел до жизни такой?» — могу лишь спросить.

В самом деле, какой здравомыслящий казак согласится с утверждением Билого, что знамя ВК есть новое знамя, сияющее свежими фабричными красками? Как может злоба до такой степени ослепить и оглушить человека!

Значит, русские, все противники ВК правы, утверждая, что ВК есть явление заграничного производства, чуждое Казачеству, искусственно созданное на деньги какого-то иностранного государства? Неужели Билый настолько поглупел, что уже неспособен понимать всей абсурдности своего утверждения?

Нет, «мы с ним действительно понимаем по разному казачье национально-освободительное движение и самую суть программы ВК». Мы утверждали и утверждаем: Знамя Казачьего Освободительного Движения есть старое, древнее и славное знамя, обветшалое в долгих победных казачьих боях, овеяное духом казачьей свободы и пропитанное кровью казаков, героически павших в борьбе за свое человеческое право! В Нем и на Нем нет ничего нового!

Казачья Националистами лишь бережно оберегают это свое старое Знамя, с сыновней любовью очищают его от искусственно наложенной на Него «пыли русской истории».

И тот, кто утверждает, что Знамя ВК есть «новое знамя», тот определенно, вольно или невольно, пытается выбить почву из под ВК.

Скажем пару слов о «философии» Билого. Он в категорической форме устанавливает ряд новых философских истин, а по нашему ряд человеческих глупостей.

— «Бойцы, идущие в бой, не скорбят. В движении, в борьбе скорбеть нельзя».

— «Скорбят о прошлом. Скорбят обо всем утраченном»...

— «Скорбь — статика, безнадежность. Путь скорби — путь на кладбище», — так вещает нам «истиину» Билый.

Мы знаем, как Билый кичится своим образованием, своим дипломом и с целью поднятия своей «марки», он часто в своем журнале пускает словесные туманы ибо известно, чем непонятнее написано, тем для простого люда кажется ученым.

Мы спрашиваем — что же такое скорбь? Разве скорбь и душевное страдание не тождественные понятия? Так почему же человеческая душа должна страдать за прошлое и не может страдать за настоящее и будущее? Разве скорбь, душевное страдание не есть основные элементы высшего человеческого чувствования, отличающего людей от животных? Осел душой не страдает, свинья не скорбит, а вся история человечества есть путь сплошного страдания, скорби.

Почему страдать душой и скорбеть можно только о прошлом? Разве мать — казачка, провожая сына на войну, не страдала, не скорбела? Разве казак, идя в опасный бой, не страдал, не скорбел?

Если войны идут в бой и мушкетерно умирают, то это, конечно, совсем не потому, что они не скорбят, не болеют душой. Идут они и умирают, скорбя, страдая, но исполняя свой патриотический долг перед Родиной. Билый, никогда на фронте не бывавший, никогда пороха не нюхавший, разумеется, не может знать душевного состояния казаков, идущих в бой. Но каждый казак знает, что перед опасным боем командиры часто предлагали казакам, приглашая их помолиться Богу и проститься друг с другом. Казаки, молясь перед боем, конечно же, не разражались веселым хохотом, а молча скорбят, страдали душой, но в бой шли, многие смертью храбрых умирали, но оставшиеся живые цели своей достигали, общее дело укрепляли.

Нет, страдать душой, скорбеть можно и об утраченном, и по поводу нерадостного настоящего и в предвидении грядущих событий. Если Билый говорит противное, то он просто глупит.

Но скорбь и душевное страдание не исключают жертвенной и неустанной борьбы во имя своих идеалов.

Сегодня для казаков нет повода к радостям. Сегодняшнее положение казаков на чужбине есть подлинный путь душевного страдания, скорби. Какой нормальный казак может сегодня не страдать, не скорбеть? Сегодняшнее трагическое положение наших братьев на Родине под властью красных сатранов есть путь скорби, Голгофы. Кто из нас радуется, кто из нас не скорбит?

Но из этого никто не будет делать выводов, по «теории» Билого, что в Казачестве нет живого движения, воли к борьбе за свою свободу, ибо в казачьем мире мы имеем одновременно и глубокую скорбь и серьезное движение.

Впрочем, я Билого отчасти понимаю, он невольно выдает себя. У калмыков есть хорошая поговорка: «эргюясе бича сура — зряял келджи прхе», т. е. у дурака не спрашивай — сам признается. У Билого нет повода к душевным страданиям, он действительно не скорбит, а довольно хихикает, ибо безмерное казачье страдание принесло ему такое личное благополучие и счастье, которые ему раньше и во сне не снились!

Мы спрашиваем — почему душевное страдание, скорбь ведет непременно на кладбище? Разве нельзя с таким же правом утверждать и обратное, что скорбь, душевные страдания есть движущая созидательная сила? Разве не через скорби, душевные страдания и искания родилось все достойное, светлое и великое? Разве не через двухсотлетнюю казачью скорбь, пришло провозглашение Казачьей Независимости в 1918 году? Разве не через сегодняшнее наше страдание и скорби

придет возрождение Казачества? Разве не через страдание и скорби рождается сама жизнь? Разве не через страдание и скорби Сын Человеческий воскрес из мертвых?

Я знаю все «достоинства» Билого, но все же не допускаю, что он дойдет до утверждения: «скорбят только о прошлом».

О тяжелом прошлом как о совершившемся и неисправимом факте, человеку конечно, свойственно сожалеть болеть душой, скорбеть, но эта скорбь не имеет острого характера и быстропроходяща. И чем далее во времени печальный факт от нас, тем менее у нас о нем болезненного чувства, скорби. Когда большие скорбит, например, мать? Перед тяжелой болезнью и в предвидении смерти своего горячо любимого сына или после смерти? Когда больше страдает муж — в предвидении смерти любимой жены или после нее? Но совсем иначе обстоит дело, когда мы скорбим не о прошлом, а о предстоящем и неизбежном будущем или тяжелом настоящем. В этом случае наша скорбь достигает своего высшего напряжения, все время усиливаясь, обостряясь. И так продолжается вплоть до момента, пока не минует нас страшный час, не наступит моральный кризис.

В этом смысле Билый сам же себя опровергает, говоря, что Сын Человеческий скорбел перед неизбежной чашей.

Совершенно верно. Сын Человеческий скорбел, но не о прошлом, как то кажется Билому, а именно перед неизбежной чашей.

«И взяв с Собой Петра и обонх сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и болдрствуйте со Мною. И, отошед немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия: впрочем не как Я кочу, но как Ты» (Ев. от Матфея, гл. 26, ст. 37, 38 и 39).

«Да минует Меня чаша сия». Это грамматически и по смыслу Евангелия — скорбь не о прошлом, а **будущем**.

Правда, на примере Сына Человеческого, скорбешего перед неизбежной чашей, Билый старается обосновать свой «глубокомысленный» вывод: «Скорбят, когда нет выхода, где нет надежды... Путь скорби — путь на кладбище... Видимо, по мнению Билого, у Сына Человеческого не было выхода, не было надежды, а Его Св. Крест представляется Билому в виде темного кладбища».

Вопреки мнению новоявленного «философа» Билого, осмеливаюсь утверждать совершенно обратное и почтительно сошлюсь на тот же пример Сына Человеческого. Его величайшая, божественная скорбь, Его крестные страдания привели не к смерти, но к жизни, не на кладбище, а наоборот — к упразднению самого этого кладбища: «сокрушил еси верев вечные, сняв с человечества первородный грех, даровав вместо смерти, вечную жизнь бывшим и грядущим поколениям».

«Смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Я бы мог еще многое сказать по этому поводу христианину Билому, но я — буддист и считаю для себя не совсем удобным, в данном случае, углубляться в глубокую христианскую философию.

Калмыцкая народная мудрость говорит: «Истина Божья совершенна и тонка, как мельчайшая пылинка, необъятна как небесное пространство. Кто пыгается ее постигнуть, тот уподобляется человеку, желающему вычерпать воды океана скорлупой ореха».

И область философии также обширна и глубока и не Билому соваться туда. Для своих наивных и пошлейших разсуждений ему следует выбирать иные закоулки.

22 октября 1936 года.

Шамба Балинов.